

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ГАДКИЙ МЕНТ

HELGA
DURAN

Helga Duran

Гадкий мент

<https://litres.ru/74492202>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет назад Димка Пронин был влюблённым очкариком, которому я отдалась на выпускном, а утром разбила сердце.

Теперь он – наглый, красивый капитан полиции, а я заперта в клетке его участка.

– Мне правда грозит пятнадцать суток?

– Зависит от твоего поведения, Маргарита Семёновна.

– Чего ты хочешь, Пронин?

Он подходит ближе и смотрит так, что становится жарко.

– Повторить наш выпускной.

Его месть будет долгой, мучительной и сладкой.

Содержание

1. Рита	4
2. Рита	13
3. Рита	18
4. Рита	24
5. Рита	28
6. Рита	34
7. Дима	42
8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Helga Duran

Гадкий мент

1. Рита

– Косякова, ты там уснула, что ли? Выходи уже! У меня колготки сейчас к трусам примёрзнут!

Люська колотила ладонью по крыше такси, а я сидела на заднем сиденье и смотрела на ресторан через запотевшее стекло. Платье, которое стоило мою месячную зарплату, совсем не грело, и меня колотило то ли от холода, то ли от волнения.

Вывеска «Курочкинъ» сияла над входом золотыми буквами. Никита всегда умел заявить о себе так, чтобы ни у кого не возникало сомнений: здесь хозяин он. Даже твёрдый знак в конце прилепил, хотя фамилия и без него прекрасно читалась. Видимо, ресторан с обычным названием показался бы ему недостаточно дорогим. Или недостаточно пафосным. Или недостаточно *его*.

За десять лет Никита Курочкин успел открыть лучшее заведение в посёлке, развестись и отрастить такую уверенность в себе, что её хватило бы ещё на пару районов. Может, на целую область. Я смотрела на эти дурацкие буквы и чувствовала, как в груди разворачивается ностальгия, замешанная на

обиде, и острая, колючая тревога, от которой сводило живот.

А я успела стать все лишь маникюрным мастером. Правда, бывшим одноклассникам я собиралась сообщить, что являюсь владелицей студии красоты. Не стану же уточнять, что в студии мне принадлежит только стол у туалета, лампа и кофейная кружка с надписью «Сильная духом, слабая кукухой». Кружку я купила себе сама, когда хозяйка салона в третий раз подняла аренду. Я держу в руках чужие пальцы, делаю их красивыми, а свои собственные до сих пор дрожат от страха, что я никогда не выберусь из этого болота.

– Ритка! – снова заорала Люська, и её голос резанул по нервам. – Я сейчас без тебя пойду!

– Пиздец! – выругалась я себе под нос и открыла дверь.

Мои красные сапожки на шпильке выглядели роскошно, но по утопанному снегу в них можно было передвигаться только при помощи молитвы.

– Наконец-то! – Люська вцепилась в мой локоть, её пальцы впились в кожу, будто она боялась, что я сбегу. И правильно боялась. – Я уж думала, ты передумала. Ничего не бойся. Я с тобой.

– Я и не боюсь, – сказала я, скорее для себя, чем для неё.

– Ага, конечно. Ты просто десять лет не приезжала в родной посёлок, потому что была очень занята. А сегодня полчаса выбирала между двумя одинаковыми красными помадами, потому что тебе плевать, как ты выглядишь перед Никитой.

Я не приезжала в родной посёлок, потому что Никита не разводился. А теперь хуяк! И вот она я!

— Они были не одинаковые. Одна с холодным подтоном. — Я чувствовала себя идиоткой, оправдываясь, но не могла остановиться. — И перед кем попало я не собираюсь выряться, как новогодняя ёлка.

— Ой, всё!

Она потащила меня к ресторану. Я осторожно переставляла ноги, стараясь не пиздануться и не свернуть шею раньше, чем Курочкин увидит, какой шикарной женщиной я стала.

Я не собиралась никому ничего доказывать. Честное слово. Я просто хотела войти так, чтобы все заткнулись. Чтобы Никита, наконец, увидел во мне не ту глупую девчонку, которая редела в школьном туалете, а женщину, которая могла бы стать его, но он выбрал какую-то мымру, а не меня.

Люська распахнула дверь, и в лицо ударило теплом. В гардеробе толпились знакомые люди, которых возраст изменил ровно настолько, чтобы я узнала каждого и успела немного расстроиться тому, что годы никого не щадят.

Да, господи, давайте будем честны? Все мои одноклассники выглядели, мягко говоря, хуёво.

Одна я королева. Ну и Никита ещё ничего.

Серёжка Блинников облысел. Совсем. Светка Жукова стала ещё стройнее, хотя в школе мы ждали, когда её унесёт ветром. Вовка Парамонов отрастил живот и теперь придерживал его ладонью с той же нежностью, с какой когда-то

обнимал первую гитару. Все они казались мне призраками прошлого, и от этого на душе становилось тоскливо.

– Марго! – взвизгнула Светка, бросаясь ко мне. – Господи, какая ты красивая!

Я улыбнулась и ответила тем же тоном, автоматически, словно включила режим «светская львица»:

– А ты совсем не изменилась!

Изменилась она сильно, но правила женской вежливости запрещали сообщать об этом при свидетелях. Особенно когда сама Светка смотрит на тебя с такой откровенной завистью, что её можно было бы разлить по бокалам.

Меня обнимали, рассматривали, спрашивали, где живу и чем занимаюсь. Я отвечала легко, красиво и без лишних подробностей. Своя студия. Постоянные клиенты. Запись на месяц вперёд. Планирую расширяться. Последнее было чистой правдой: если хозяйка снова поднимет аренду, расширяться придётся на соседний район. Или вообще в подвал.

– А замуж не вышла? – поинтересовалась Светка, и в её голосе мелькнуло плохо скрытое злорадство.

– Не успела выбрать, – парировала я, поправляя браслет на запястье.

– Да ладно тебе. Прямо очередь стоит?

– Не стоит. Двигается медленно.

Люська рядом подавилась смешком, а я уже смотрела поверх её плеча, сканируя зал. Мне было насрать на Светку, на её вопросы, на её тощую фигуру и подведённые глаза. Я

искала ЕГО

В школе Никита казался мне самым красивым парнем на свете. Высокий, темноволосый, с ямочкой на подбородке и привычкой улыбаться одним уголком губ. Я знала расписание его тренировок, любимую музыкальную группу и даже то, что он всегда выкидывал из солянки маслины. Он же до самого выпускного путал меня с Мариной Босяковой из параллельного класса, хотя никакой Марины Босяковой в нашей школе не существовало.

Теперь Никита двигался ко мне между столиками, поправляя манжету белой рубашки. Он стал плотнее, солиднее, обзавёлся дорогими часами и бородой, подстриженной настолько аккуратно, что хотелось спросить имя его мастера. Он выглядел как человек, который привык, что мир крутится вокруг него, и готов был заплатить за это право любые деньги.

– Маргарита, – произнёс он и распахнул руки. Я позволила себя обнять, успев втянуть живот и повернуть лицо так, чтобы он почувствовал аромат духов. Дорогих. Французских. На которые я копила два месяца.

– Вот это сюрприз, – выдохнул он мне в ухо.

– Не ждал? – Я отстранилась, глядя ему в глаза. В них было спокойное, сытое любопытство.

– Честно? Думал, ты про нас забыла.

– Такое забудешь.

Я улыбнулась, он тоже. Никаких искр между нами не про-

скочило, но я решила не торопить природу. Всё-таки десять лет прошло. Возможно, искры тоже стали медленнее.

– Прекрасно выглядишь, – сказал Никита, скользнув взглядом по моему платью. Оценил. Одобрил. Как дорогую вещь.

– Спасибо. Ты тоже ничего.

Ничего. Именно так разговаривает взрослая уверенная женщина с мужчиной, из-за которого в семнадцать лет страдала так, что поклялась никогда больше не влюбляться.

– Проходи, я для нашего класса весь зал закрыл. Сегодня гуляем за мой счёт.

– Щедро.

– Могу себе позволить.

В его голосе было столько хвастовства, что я почувствовала себя маленькой и никчёмной, и это было невыносимо.

К счастью, официант предложил шампанское. Я взяла бокал и выпила половину, прежде чем добралась до нашего стола. Игристое обожгло горло, разлилось внутри жидким солнцем, и на мгновение стало легче.

Встреча постепенно набирала обороты. Одноклассники вспоминали учителей, школьные драки, провальные контрольные и первую дискотеку. Каждый рассказывал о себе так, словно давал интервью федеральному каналу. Даже Серёжка Блинников представил работу на складе фразой «управляю товарными потоками». Я смеялась, поддакивала, пила шампанское и чувствовала, как маска прилипает к ли-

цу, становясь второй кожей.

Я расслабилась и почти перестала ждать, когда Никита сядет рядом. Он подходил несколько раз, доливал мне шампанское, спрашивал о городе, но постоянно отвлекался на сотрудников и гостей из соседнего зала. Его мир был слишком большим, чтобы я могла в нём поместиться.

– Он на тебя смотрит, – шепнула Люська, наклоняясь ко мне.

– Кто?

– Курочкин. Не делай такое лицо, будто других мужчин здесь нет.

– Люд, не преувеличивай.

– А Пронин не приехал?

Я едва не поперхнулась шампанским. Жидкость обожгла горло, я закашлялась, чувствуя, как краска заливает лицо.

– Какой ещё Пронин? – переспросила я, стараясь, чтобы голос звучал безразлично.

– Обыкновенный. Дмитрий Степанович. Ты забыла, что ли?

Забыла. Разумеется, забыла. Настолько основательно, что фамилия сразу же царапнула изнутри, как заноза, а перед глазами возникли худые плечи в нелепом выпускном костюме, очки в тонкой металлической оправе и букет белых роз, которые Дима зачем-то притащил мне утром после выпускного, точнее, после того, как мы потрахались в местной гостинке.

«Рита, давай поженимся».

Добро пожаловать в невероятно мощный, сильный, властный и горячий литмоб «Я ТВОЙ...» ([ТЫК сюда, чтобы попасть в подборку](#))

Вас ждут 11 завершённых историй о том, как мужчины умеют быть теми, кого ты совсем не ждёшь.

Как они начинают любить так, что даже небу становится завидно!

Как они появляются тогда, когда тебе не нужны. И ты их гонишь в дверь, а они оказываются в твоей постели быстрее (ну или ты в его) намного быстрее, чем в гостиной успевает остыть их след!

Ты скажешь: «Я тебя не просила», а он ответит: «Я твой! И это уже не обсуждается!»

Литмоб "Я ТВОЙ..."

2. Рита

Господи, каким же юным был Пронин. Серьёзным, бледным и счастливым.

Я засмеялась ему в лицо, не потому, что было смешно. Просто испугалась так сильно, что ничего умнее не придумала. Помню, как он побледнел ещё сильнее, когда понял, что я переспала с ним только потому, что Никита так и не обратил на меня внимание.

А Димка...

Он держал мои волосы, пока я блевала и вытирал мне сопли, пока я убивалась по своей несчастной любви к Курочкину.

Пронин снял для нас номер в местной гостинице, потому что боялся вести меня домой в таком виде. Он так сказал, но на самом деле втайне надеялся меня трахнуть. Так всё и вышло. Он стал моим первым мужчиной, а я его первой женщиной.

Потом я сказала, что была пьяная, что всё случилось по ошибке и что лучше утоплюсь в местном пруду, чем стану Маргаритой Прониной. Я хотела сделать ему больно, потому что мне самой было пиздец как хреново, и сделала.

– Ты чего зависла? – Люська помахала ладонью перед моим лицом, и я вздрогнула.

– Вспоминаю, кто это.

– Он теперь, между прочим, капитан полиции. Скоро майором станет.

– Да ладно? Не знала, что тощих очкариков берут на службу в органы.

– Он больше не тощий и не очкарик, – сообщила Люська и вдруг посмотрела мне за спину. Её глаза расширились, и на губах заиграла довольная улыбка. – И характер у него изменился в худшую сторону. Хотя сейчас сама увидишь.

В зал вошёл полицейский, одетый по форме. Кто-то из девчонок радостно закричал, мужчины за столом загомонили, а Никита поднял голову и усмехнулся, будто ждал этого гостя.

Я обернулась вместе со всеми.

Медленно, с каким-то угрожающим спокойствием он снял фуражку. Его движения были точными и экономными, как у человека, привыкшего к дисциплине. Короткие светло-русые волосы были чуть влажными от снега, на скулах лежали резкие тени, а спокойные голубые глаза скользнули по залу без суеты, привычно отмечая лица и выходы. Он был похож на хищника, который зашёл в гости к домашним кошкам.

Он был не просто красивым. Такие мужчины опаснее, потому что прекрасно знают, какое впечатление производят, и не считают нужным ради этого стараться.

Я смотрела, не сразу связав его с мальчишкой, который носил мой рюкзак, решал за меня алгебру и однажды подрался с двумя старшекласниками, назвавшими меня сос-

кой. Тот Дима был худым, сутулым, вечно поправлял очки и краснел, когда я брала его под руку.

Этот мужчина не имел с тем мальчишкой ничего общего.

Он стоял в дверях, чуть расставив ноги, и в этом расслабленном, почти ленивом положении чувствовалась такая сила, что у меня перехватило дыхание. Форма сидела на нём так, будто её шили специально по его меркам. Я видела, как двигаются мышцы под тканью, когда он пошевелился – плавно, мощно, с ленивой грацией хищника, который знает, что добыча никуда не денется.

И это лицо.

Господи, это лицо.

Резкие скулы, волевой подбородок с едва заметной ямочкой, чувственные губы, сложенные в спокойную, уверенную усмешку. Глаза – холодные, пронзительные, голубые, как лёд на зимнем озере – скользнули по залу, ни на ком не задерживаясь дольше секунды.

Пронин стал не просто красивым. Он стал опасным. Тем типом мужчины, о котором говорят «внешность убийцы», и от которого у женщин подкашиваются колени и мокреют трусы, даже если они замужем и счастливы.

И он не смотрел на меня.

Вообще.

Его взгляд прошёл мимо моего лица, как будто я была частью мебели, и остановился на Вовке Парамонове, которому он улыбнулся – коротко, по-мужски. На его щеках заиграли

ямочки, и у меня внутри всё оборвалось.

Я стояла, сжимая бокал, и чувствовала, как внутри меня зреет что-то тёмное, жаркое и совершенно неуместное. Шампанское больше не пенилось, сердце рвалось из груди, а ладони стали влажными. Я смотрела на его руки – крупные, с длинными пальцами, которые держали фуражку с такой же небрежностью, с какой, наверное, держали оружие, – и понимала, что Никита, со всем его рестораном, твёрдым знаком и дорогими часами, вдруг стал серым и плоским.

Я смотрела на то, как он здоровается с одноклассниками, как его рука сжимает чужие ладони, как он наклоняет голову, слушая Светку, которая висла на нём, как виноградная лоза.

Одноклассники окружили его, хлопали по плечам, звали к столу. Кто-то пододвинул стул, кто-то плеснул ему в бокал. Он взял его, но не пил. Просто держал, слушая, что говорят, и изредка кивал. Инна Матюшина уже тёрлась сиськами о его плечо, её рука лежала на его предплечье, и он не отодвигался. Ему было комфортно. Он был здесь. В центре внимания.

И он не смотрел на меня. Вообще. Ни разу. Как будто я была призраком, который случайно забрёл на эту встречу, и которого пора выдворять.

А я хотела, чтобы он посмотрел.

Я хотела, чтобы он посмотрел на меня так, как я смотрела на него – с жадностью, с голодом, с тем отчаянием, которое я старательно заливала шампанским, но которое не уходило.

Я хотела увидеть в его глазах хоть тень интереса, хоть искру того, что было между нами когда-то.

Но он не смотрел.

И вдруг Дима поднял голову. Наши взгляды встретились, и меня будто ошпарило жидким азотом.

В его глазах не было тепла. Только лёд и спокойная сталь. Он смотрел на меня так, будто видел насквозь. И в этом взгляде не было ни капли интереса.

Только холодная, злая усмешка человека, который тебя презирает. Я почувствовала, как внутри всё холодеет.

3. Рита

Я выпрямилась, поправила волосы и повернулась к Никите, который как раз подошёл с бутылкой игристого. Засмеялась чуть громче, положила ладонь ему на предплечье, чувствуя под пальцами тепло его кожи и твёрдость мышц, хотя ничего смешного он не сказал.

Дима продолжал не замечать.

Тогда я сама подошла к нему. Ноги несли меня словно сами, шпильки предательски постукивали по паркету, а в груди колотилось сердце, готовое выпрыгнуть наружу.

– Неужели ты теперь капитан? – Я постаралась, чтобы голос звучал игриво, но в нём проскользнула дрожь.

Он медленно повернул голову. И когда его взгляд упал на меня, я почувствовала, что дышать становится нечем. Те искры, которые я надеялась найти между собой и Никитой, сейчас я ощутила в полной мере. Да что там искры? Меня словно током пиздануло, словно в меня плеснули кипятком.

От Пронина так и тащило сексом, как от породистого самца.

У меня просто давно не было секса, – успокаивала я себя. Я слишком много работала в последнее время, вот и проголодалась.

Вблизи Дима оказался ещё крупнее. От него пахло морозом, цитрусовым парфюмом и мужиком. От этого запа-

ха у меня совсем перехватило дыхание. Мне пришлось поднять подбородок, чтобы встретиться с ним взглядом, и это немедленно разозлило. В школе он был почти одного роста со мной, если я надевала каблуки.

– Маргарита Семёновна, – произнёс он без удивления. Его голос стал глубже, с хрипотцой, и от этого низкого звука у меня по спине побежали мурашки. – Какими судьбами?

– На встречу выпускников приехала. Мы учились в одном классе. Забыл?

– Ну что ты? Я ничего не забыл.

Намёк был таким прозрачным, что его можно было использовать вместо оконного стекла. Я почувствовала, как краснею, и мысленно обругала себя последними словами.

Пронин всё ещё обижен на меня – это было ясно, как белый день.

– А я тебя не сразу узнала, – мне захотелось сделать ему какой-то комплимент, чтобы обстановку разрядить, но это вряд ли было возможно. Между нами стоял такой напряг, просто жуть.

– Бывает. – Его губы дрогнули в усмешке, но глаза остались холодными.

– Ты изменился.

– Ты тоже.

Я ждала продолжения. Complimenta, улыбки, хотя бы заинтересованного взгляда по фигуре. Дима посмотрел мне в лицо так внимательно, что я почувствовала себя подозрева-

емой на допросе, но ниже подбородка его глаза не опустились. Это задело сильнее, чем я готова была признаться.

– И как тебе? – не выдержала я.

– Что именно? – Он наклонил голову, и в его глазах мелькнул интерес. Хищный, оценивающий.

– Как я изменилась.

– Пока не решил.

Он взял с подноса у проходящего официанта бокал с шампанским, протянул его мне, и его пальцы на мгновение коснулись моего запястья. Случайно? Или нет? От этого прикосновения по коже пробежал электрический разряд, и я вздрогнула.

Сейчас Пронин был таким самоуверенным, что хотелось ему ёбнуть. Я вспомнила, как он дрожал, расстёгивая молнию на моём выпускном платье. Воспоминание ударило жаром, и я отпила шампанское, чтобы занять рот чем-нибудь безопасным.

– Говорят, ты теперь важный человек, – сказала я, стараясь поддержать разговор.

– Кто говорит?

– Люська.

– Она преувеличивает.

– А ещё говорят, у тебя характер испортился.

– Вот это правда.

Сам же Дима пил минералку. Он сделал глоток, продолжая смотреть на меня поверх края бокала. В его глазах, нако-

нец, появилось нечто похожее на интерес, и я почувствовала знакомый азарт. Он мог сколько угодно изображать равнодушие, но я помнила другого Пронина. Того, который смущался от одного моего взгляда и был готов ехать через весь посёлок за мороженым, если мне вдруг хотелось именно шоколадное. Того, который смотрел на меня так, будто я была центром вселенной.

Я наклонилась ближе, чувствуя, как его дыхание касается моего лица. От него пахло мятой и тем самым терпким одеколоном, и у меня закружилась голова.

– Даже не спросишь, замужем ли я?

– Нет.

– Почему? – Я приподняла бровь, изображая удивление.

– Если бы ты была замужем, то приехала бы с мужиком, чтобы похвастаться им передо мной.

Улыбка сползла с моих губ. Я почувствовала, как начинаю злиться.

– С чего бы?

Дима поставил бокал на поднос проходящего официанта, после чего склонился к моему уху. Его щека оказалась совсем близко, я чувствовала тепло его кожи, дыхание коснулось виска, и по спине побежали мурашки, которым я немедленно запретила бегать по мне, но они не слушались.

– Из-за той ночи, Рита. Ты ведь именно о ней думаешь с того момента, как меня увидела? – Его голос был низким, почти интимным, и от него у меня подкосились ноги.

Я отшатнулась и едва не наступила каблуком на ногу Светке, которая, к счастью, была занята разговором с Блинниковым.

– Ты слишком дохрена о себе возомнил, – выдохнула я, чувствуя, как горят щёки.

– Могу себе позволить.

Он повторил слова Никиты почти с той же интонацией, но прозвучали они совсем иначе. Грубее, циничнее.

– Не обольщайся, Пронин. Я вообще о тебе не думала.

– Разумеется. Поэтому сама подошла и начала крутить возле меня жопой.

– Что?

Я вспыхнула. Этот гад меня раскусил! Я почувствовала, как внутри закипает злость, смешанная с каким-то странным возбуждением.

Дима усмехнулся, и на одно опасное мгновение я увидела в нём прежнего мальчишку. Только раньше эта улыбка была робкой и предназначалась мне одной, а теперь он использовал её как оружие, как нож, который умело вонзал в самое сердце.

– Не старайся, Маргарита Семёновна, – проговорил он, отступая, и его голос стал ледяным. – Второй раз я для тебя не напьюсь.

Он развернулся и направился к столу, оставив меня посреди зала с бокалом в руке и желанием немедленно доказать ему, насколько сильно он ошибается. Я смотрела на его

широкую спину, на то, как он уверенно, плавно, по-хозяйски двигается, и чувствовала, как в груди разгорается пожар. Злость, обида, и какая-то дикая, запретная тяга, которая пугала меня до дрожи.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоиться, но в голове билась одна мысль: этот человек изменился. Он больше не был тем мальчиком, которого я могла обидеть одним словом. Он стал взрослым, сильным, и, кажется, научился отвечать на удары.

Мне стало плевать на Курочкина. Теперь я хотела Пронина. Точнее, чтобы он меня захотел, а я его послала далеко и навсегда!

4. Рита

В течение следующего часа я делала всё, чтобы Дмитрий Пронин понял, насколько сильно мне на него наплевать.

Я смеялась над каждой шуткой Никиты, хотя одна была про налоговую, а вторая вообще не имела окончания. Смех выходил слишком громким, слишком искусственным, но я не могла остановиться. Согласилась потанцевать с Серёжкой Блинниковым, который наступил мне на обе ноги, испачкал платье майонезом и признался, что давно развёлся, но пока не сообщил об этом жене.

Потом пела со Светкой в караоке, пила шампанское с бывшей классной руководительницей и даже позволила Вовке Парамонову сделать со мной фотографию, на которой он зачем-то положил руку мне на обнажённую поясницу. Его пальцы были влажными и липкими, и я едва сдерживалась, чтобы не стряхнуть их, как надоедливую муху.

Я вела себя весело, свободно и совершенно естественно, если не считать того, что постоянно проверяла, смотрит ли Дима.

ДИМА, СУКА, НЕ СМОТРЕЛ!

Он сидел на другом конце стола, слушал чей-то рассказ, изредка улыбался и лениво крутил в пальцах пустой бокал. За весь вечер капитан Пронин не выпил ничего, кроме минералки, и это тоже раздражало. Мы все взрослые люди, встре-

тились спустя десять лет, имеем законное право напиться и пожалеть о половине сказанного, а он изображает сотрудни-ка при исполнении. Будто он выше всех нас. Будто он самый крутой.

Особенно бесило, что форма ему шла.

– Ты сейчас в Пронине дыру прожжёшь, – сообщила Люська.

– Что? – Я вздрогнула, выныривая из своих мыслей.

– У тебя глаз дёргается каждый раз, когда к нему женщина подходит.

Возле Димы как раз устроилась Инна Матюшина, бывшая староста класса. В школе она носила две косы и докладывала учителям обо всех, кто курил за спортзалом. Теперь косы исчезли, зато появились роскошная грудь, светлые волосы до пояса и развод с районным прокурором. Инна наклонилась к Пронину так близко, что её грудь почти легла ему на плечо, а рука скользнула по его предплечью, поглаживая.

Он не отодвинулся.

– Ничего у меня не дёргается, – процедила я.

– Ритка, я тебя с восьми лет знаю. Ты сейчас Матюшиной мысленно посылаешь порчу на понос. – Люська усмехнулась, покачав головой.

– Пусть не ложится на чужих мужчин.

– А Пронин уже твой?

– Нет. Просто она ведёт себя неприлично.

Я отняла у неё бутылку и снова наполнила свой бокал.

Пить больше не стоило, но трезвой смотреть, как Инна Матюшина трогает Диму за предплечье, а он ей улыбается той самой улыбкой, которой когда-то улыбался мне, оказалось выше моих сил. Шампанское обожгло горло, но не принесло облегчения.

Никита появился рядом именно тогда, когда я решила случайно облить бывшую старосту шампанским. Он взял меня за руку, и я вздрогнула, чувствуя его пальцы на своём запястье.

– Маргарита, пойдём покажу ресторан?

– А что я до этого видела? – переспросила я, стараясь, чтобы голос звучал безразлично. Но внутри всё клокотало.

– Только главный зал. У меня наверху есть закрытая терраса и кабинет. Оттуда посёлок как на ладони.

– В декабре на террасе особенно приятно. – Я усмехнулась, представив, как мы стоим там, и он пытается меня поцеловать, а я думаю о другом.

– Она отапливается.

– Тогда води.

Я поднялась слишком резко, и пол под ногами немедленно сообщил, что выпито было больше, чем я подсчитала. Голова закружилась, перед глазами всё поплыло, и я ухватилась за край стола, чтобы не упасть. Никита подхватил меня под локоть, удерживая от позорного падения, а я рассмеялась — снова слишком громко, слишком нервно — и прижалась к нему. Получилось выразительно. Я чувствовала, как

моя грудь касается его груди, как его дыхание щекочет мою шею.

Пронин, наконец, посмотрел.

Его глаза задержались на руке Никиты, лежащей у меня на талии, затем переместились на моё лицо. Никакой ревности я там не увидела, зато заметила холодное раздражение, от которого по коже пробежало приятное покалывание. Всё-таки смотрит. Он смотрит на меня, и ему это не нравится. И от этого внутри разливается тёплая, пьянящая радость.

Я обняла Никиту за шею, чувствуя, как его пальцы сжимаются на моей талии. Мои ногти впились в воротник его рубашки, и я наклонилась к нему, шепча что-то бессмысленное.

Никита рассмеялся и повёл меня к лестнице. Я ожидала, что Дима хотя бы проследит за нами взглядом, однако он вернулся к разговору с Инной. Его рука легла на её плечо, и я почувствовала, как ревность меня уже захлёстывает с головой.

5. Рита

Закрытая терраса оказалась большим застеклённым помещением с диванами, живыми ёлками в кадках и видом на центральную площадь. Внизу сияли гирлянды, возле ледяной горки носились дети, а снег медленно засыпал редкие машины. Воздух здесь был прохладным, обстановка приятная, но я не могла сосредоточиться на красоте.

Я прислонилась лбом к холодному стеклу, пытаюсь привести мысли в порядок. Вместо этого вспомнила горячие пальцы Димы на спине и его неровное дыхание той ночью. Как он шептал моё имя, как его губы касались моей шеи, как он дрожал, когда я проводила рукой по его груди. Вот же сволочь! Десять лет сидел в блоке моих воспоминаний, а теперь явился в красивой упаковке и одним взглядом вытащил наружу всё, что я старательно считала недоразумением.

– Здесь красиво, – сказал Никита, становясь рядом.

– Очень.

– Я сам всё проектировал. Хотел сначала просто кафе сделать, потом понял, что люди готовы ездить из города, если дать им нормальную кухню и хороший сервис.

– У тебя получилось.

– Стараюсь. А ты правда открыла студию?

Вопрос прозвучал без подвоха, но я почувствовала, как внутри неприятно сжалось. Я смотрела на своё отражение в

стекле и видела там женщину, которая пиздит, как дышит.

– Да. Небольшую.

– В каком районе?

Я назвала ближайшую к моей работе улицу, надеясь, что Никита не станет проверять адрес. Вряд ли владелец ресторана интересуется маникюрными студиями за двести километров от посёлка.

– Молодец, – одобрил он. – Всегда знал, что ты чего-нибудь добьёшься.

В школе он вообще ничего обо мне не знал, кроме фамилии, да и ту вспоминал через раз. Однако спорить я не стала. Пусть хотя бы сейчас считает меня успешной.

– А ты один? – спросила я, поворачиваясь к нему.

– Уже год. С женой не сложилось.

– Почему?

– Ей в городе интереснее. Я сюда вернулся, а она не захотела. Полгода мотались туда-сюда, потом надоело. Детей нет, делить особенно нечего.

Он говорил спокойно, без обиды, и я поймала себя на том, что мысленно примеряю его жизнь. Ресторан, большой дом, знакомые с детства улицы. Всё надёжное, настоящее, понятное. Никита по-прежнему нравился мне, только теперь рядом с этим чувством не вспыхивало ничего похожего на прежнюю боль.

Наверное, так и выглядит взрослая любовь. Без глупостей, бессонных ночей и желания утопиться в пруду из-за одного

равнодушного взгляда.

– Ты надолго приехала? – спросил он.

– Пока не решила.

– Оставайся хотя бы до Нового года. Здесь сейчас весело, городок на площади откроют, ярмарку. Я мог бы всё тебе показать.

– Говоришь так, будто приглашаешь меня на свидание. – Я приподняла бровь, стараясь, чтобы голос звучал игриво.

– А если приглашаю?

Я повернулась к нему. Никита стоял близко, смотрел прямо, улыбался знакомой улыбкой. Десять лет назад я отдала бы половину жизни за этот момент. Теперь же почему-то думала о мужчине, который сидел внизу с Инной Матюшиной. Наверное, я просто выпила слишком много. Или слишком мало?

– Тогда я подумаю, – ответила я.

– Капризная стала.

– За красивыми женщинами очередь, помнишь?

– Помню.

Никита коснулся моего подбородка и наклонился, явно собираясь поцеловать. Я не отстранилась, потому что именно этого хотела весь вечер. Может, даже всю юность. Его губы уже почти коснулись моих, я чувствовала его дыхание, ощущала тепло его ладони на своей щеке, когда дверь террасы распахнулась.

– Курочкин, у тебя повар пьяный за руль собрался, – до-

нёсся голос Димы. – Реши вопрос, пока мне не пришлось.

Никита шумно выдохнул и отступил. Его рука упала с моего лица, и я почувствовала, как холодный воздух коснулся кожи там, где только что было тепло.

– Вот же зараза. Пять минут без меня не могут.

– Иди, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Я сейчас спущусь.

– Только не сбеги.

– Постараюсь.

Он быстро вышел. Дима остался в дверях, заполняя собой почти весь проём. На нём уже была застёгнутая куртка, в руке он держал фуражку. Свет от люстры падал на его лицо, выхватывая резкие скулы и холодные глаза.

– Очень вовремя, Пронин.

– Работа такая.

– Ты не на службе. – Я скрестила руки на груди, чувствуя, как внутри закипает злость.

– Сообщить пьяному человеку, что ему не стоит садиться за руль, можно и без служебного удостоверения.

– А сообщить на десять секунд позже не мог?

– Мог, конечно.

Он надел фуражку и посмотрел на меня из-под козырька.

– Значит, специально помешал?

– Не льсти себе, Ритка. Мне до ваших подростковых игр дела нет. – Его голос был ровным, но в нём слышалась угроза.

– Да ты ревнуешь?

– К Курочкину? Пф... Он в школе два года не мог выучить таблицу умножения, а теперь пишет название рестика с твёрдым знаком. Соберёшься домой, вызывай такси заранее, – сказал он. – Снег усиливается, свободных машин всегда не хватает.

– Ты мог бы меня отвезти.

– Мог бы, но не хочу.

Он ушёл, а я осталась посреди террасы, злая, разгорячённая и окончательно сбита с толку. Мне хотелось догнать его, потребовать объяснений или хотя бы ещё раз проверить, насколько твёрдыми стали его плечи. Я смотрела на дверь, которая закрылась за ним, и чувствовала, как в груди разрастается пустота.

Вместо этого я вернулась к столу и выпила за встречу выпускников ещё два раза.

К полуночи бывшая классная руководительница пела «Угонщицу», Вовка уснул возле тарелки с холодцом, а Светка плакала на плече у Люськи, потому что ей вдруг стало грустно.

Я смотрела на них и чувствовала себя чужой среди этих людей, которые когда-то были мне близки.

Никита снова куда-то исчез. Когда официанты начали осторожно намекать, что ресторан закрывается, мы с Люськой вызвали такси. Приложение обещало машину через семь минут, потом через пятнадцать, а вскоре водитель сообщил,

что застрял на другом конце посёлка. Снег валил стеной, и я смотрела на белые хлопья, которые кружились в свете фонарей, и чувствовала, как холод пробирается под платье.

– Пойдём обратно, – предложила я, переминаясь с ноги на ногу. – Я ссать хочу.

– Закрыли уже. Видишь, свет выключили?

– Там люди остались.

– Работники через другую дверь выходят. Потерпи.

– Я не могу терпеть. – Я сжала бёдра, чувствуя, как мочевой пузырь давит на живот.

– Тогда иди за угол.

Я посмотрела на тёмную стену ресторана. За ней начинался пустырь, огороженный низким деревянным забором. Ни домов, ни прохожих, только мусорные контейнеры и сугробы. Снег там лежал нетронутый, белый и пушистый.

– Ты серьёзно?

– Рит, ты хочешь обоссаться?

Она отвернулась к дороге, пытаясь разглядеть фары такси. Я продержалась ещё секунд тридцать, после чего организм заявил, что правила приличия может соблюдать кто-нибудь другой. Я чувствовала, как внутри всё сжимается, и понимала, что ещё минута – и случится катастрофа.

– Если машина приедет, задержи её, – попросила я Люську, вручая ей свою сумочку.

– Не пизданись там.

– Ага. Спасибо за заботу.

6. Рита

За углом оказалось темнее, чем я рассчитывала. Свет от вывески сюда почти не попадал, только тусклый отблеск от фонарей на соседней улице. Снег скрипел под каблуками, а ветер швырял в лицо ледяную крупу. Я обошла контейнеры, которые пахли гнилью и кислятиной, нашла место возле забора и несколько раз осмотрелась.

Никого.

Приличная женщина сделала бы единственно правильный вывод и вернулась к подруге. Я же задрала платье, стянула колготки и присела, отчаянно надеясь, что не примёрзну струёй к родной земле. Холод коснулся голой кожи, и я вздрогнула, но облегчение было таким сильным, что я готова была простить себе это унижение.

Господи, какой же это кайф! Почти как оргазм. Может, даже лучше...

Облегчение пришло одновременно со светом фар.

Я зажмурилась. Луч ударил прямо по мне, высветив красное платье, голую жопу и выражение лица женщины, которая поняла, что достигла дна, но ещё не знает его глубины. Я замерла, как кролик перед удавом, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

– Выключи, блять! – заорала я, пытаюсь одновременно подняться, натянуть колготки и не рухнуть в сугроб. – Со-

всем больной?

Фары погасли, зато включились синие проблесковые маячки. На снег легли тревожные вспышки, окрашивая его в синий и красный.

Ёб твою мать!

Водительская дверь открылась. Мне не потребовалось видеть лицо мужчины. Я узнала его по росту, широким плечам и неторопливой походке человека, который, наконец, получил от вечера всё, чего хотел. Сердце ухнуло вниз, и я почувствовала, как кровь отливает от лица.

– Только не это, – простонала я.

– Добрый вечер, гражданка Косякова.

Дима остановился в трёх шагах и окинул меня взглядом. К этому моменту я уже стояла, но колготки удалось натянуть только до середины бёдер, а платье зацепилось подолом за пояс. Попытка незаметно привести себя в порядок выглядела ещё позорнее, чем всё остальное.

– Отвернись!

– Зачем? Думаешь, я чего-то там не видел? – Его голос был спокойным, но в глазах плясали чёртики.

– Ты за мной специально подглядывал?

– Я патрулировал территорию и обнаружил гражданку, нарушающую общественный порядок.

– Ничего я не нарушала.

– Тогда что ты делала за рестораном со спущенными трусами? – Он приподнял бровь, и я почувствовала, что прова-

ливаюсь от стыда сквозь землю.

– Приседала.

– Отлично. В отделении продолжишь.

Я, наконец, справилась с одеждой и шагнула к нему, едва не утонув шпилькой в снегу.

– Дима, хватит. Я уже не могла терпеть, и мне очень стыдно.

– Во-первых, капитан Пронин. Во-вторых, ты задержана. Документы есть?

– В сумочке.

– Где сумочка?

Я посмотрела туда, где должна была стоять Люська. Подруги не было. Такси тоже. Видимо, машина всё-таки приехала, и подруга уехала без меня. Вот овца!

Снег заметал следы, и я чувствовала себя покинутой и униженной.

– Уехала сумочка.

– Пройдёте в машину, гражданочка.

– Гражданочка? Ты, блять, издеваешься? А если не пойдешь?

Дима вынул наручники и продемонстрировал их мне.

– Тогда задержу и доставлю принудительно.

Я посмотрела на служебную машину, на пустую улицу, потом снова на него. Шампанское ещё бурлило в голове, поэтому происходящее казалось нелепым спектаклем, который закончится, как только я перестану играть по его правилам.

Но я не могла перестать. Меня тянуло к нему, как магнитом, и это пугало.

– Я никуда с тобой не поеду.

– Хорошо.

Он шагнул ко мне.

– Даже не смей меня трогать, придурок!

– Маргарита Семёновна Косякова, вы задержаны за нарушение общественного порядка.

– Какого ещё порядка? Я ничего не сделала.

– Ты справляла нужду в общественном месте. У меня в машине стоит видеорегистратор, там все доказательства. Так что даже не рыпайся!

– Ненавижу тебя!

– Это взаимно.

Его голос был ровным, но в глазах плясали чёртики. Его забавляло то, что он теперь главный в сложившейся ситуации.

Дима схватил меня, открыл заднюю дверь своей машины и затолкал внутрь. Я собиралась тут же выйти с другой стороны, но обнаружила там металлическую перегородку и отсутствие ручки.

– Я буду жаловаться! – завизжала я.

– Ой, блять, ради бога! Я дам тебе специальный бланк.

Он сел за руль и выехал на дорогу. Я требовала отвезти меня домой, обещала лично снять с него погоны. Дима не отвечал. Диме было похуй.

Только прибавил отопление и музыку сделал погромче.

Отдел полиции располагался в старом двухэтажном здании возле площади. Свет горел лишь в нескольких окнах, и здание казалось мрачным, почти заброшенным. Дежурный за стойкой поднял голову, увидел меня рядом с капитаном и удивлённо присвистнул.

– Дмитрий Степанович, а это кто? Красивая! – восхищённо протянул он. – Путана? Кто-то из новеньких?

– Сам ты путана! – огрызнулась я. – Совсем охуел? Фамилия твоя как?

– Ладно, не шипи! – поморщился Пронин. – Лейтенант пошутил. Шутка юмора. Давай, Кондратьев, фиксируй время доставления.

Я не успела ничего возразить, Дима провёл меня по коридору. Его рука лежала на моём локте, пальцы впивались в кожу даже через ткань пальто. Он открыл тяжёлую дверь и указал на клетку с металлической лавкой.

– Заходи.

– Я туда не пойду.

– Тогда придётся помочь.

– Только попробуй.

Он посмотрел на меня сверху вниз, и я поняла, что попробует. Ещё и получится. Я вошла сама, брезгливо озираясь по сторонам.

Решётчатая дверь захлопнулась, замок щёлкнул. Звук оказался неприятно настоящим и мгновенно выгнал из го-

ловы остатки шампанского. Я схватила за прутья, чувствуя холод металла под пальцами.

– Когда ты закончишь этот цирк? – спросила я.

– После оформления.

– Какого оформления?

Дима снял фуражку, положил её на стол и открыл журнал. Его движения были медленными, почти ленивыми, и я чувствовала, как внутри закипает злость.

– Появление в общественном месте в состоянии опьянения, нарушение порядка, отказ выполнять законные требования сотрудника полиции. Завтра судья решит, ограничиться штрафом или назначить административный арест.

– Какой ещё арест?

– До пятнадцати суток.

Я рассмеялась, но Дима даже не поднял головы. Смех вырвался истерическим, нервным, и я не могла его остановить.

– Ты не можешь посадить меня на пятнадцать суток за то, что я посикала в сугробе.

– Я не могу. Суд может.

– И ты собираешься отправить дело в суд? – Я сжала прутья, чувствуя, как холод проникает в пальцы.

Теперь он посмотрел на меня. Спокойно, внимательно, без тени прежней усмешки. Его глаза были холодными, как лёд, и я чувствовала, как они пронзают меня насквозь.

– А почему нет?

– Потому что мы учились вместе. Потому что я приехала

всего на несколько дней. Потому что это несерьёзно, в конце концов!

– Посидишь пятнадцать суток, потом решишь, серьёзно это или нет. Затем уедешь и сделаешь вид, что ничего не было. Как раз твоём стиле.

Удар пришёлся точно в старую вину, которую я много лет называла ошибкой молодости. Я отступила, но отводить взгляд не стала. Внутри всё горело от стыда и злости.

– Так вот в чём дело? Ты мстишь мне за выпускной?

Дима медленно поднялся из-за стола, подошёл к клетке и остановился напротив. Между нами оставались только металлические прутья и десять лет, которые неожиданно перестали казаться большим расстоянием. Я чувствовала его запах, видела, как его грудь поднимается и опускается, как его глаза темнеют.

– Нет, Маргарита Семёновна. За выпускной я ещё даже не начинал.

Он сказал это тихо, но каждое слово било точно мне в грудь. Я смотрела на него, чувствуя, как внутри всё переворачивается. Холодное раздражение, злость и что-то ещё, тёмное, опасное, что пугало меня до дрожи. Он стоял так близко, что я могла протянуть руку и коснуться его лица, но я не двигалась.

– Тогда что ты делаешь? – спросила я, и голос предательски сорвался на писк.

Пронин посмотрел на меня так, что я перестала дышать.

Его взгляд скользнул по моим губам, по шее, задержался на ключицах, и я почувствовала, как кожа горит там, где он смотрит.

– Понятия не имею, – ответил он тихо. – Но мне это уже начинает нравиться.

7. Дима

Рита смотрела на меня сквозь прутья так, будто прикидывала, удастся ли выломать один и проткнуть им мне горло. Десять лет назад она также шурилась, когда я отказался писать за неё контрольную по физике. Только тогда я продержался меньше минуты, потом отдал ей свою тетрадь и весь следующий урок разглядывал её затылок, уверенный, что совершил мужской поступок.

С тех пор я научился не путать мужские поступки с долбёбизмом

По крайней мере, мне так казалось до сегодняшнего вечера.

– Ты пользуешься служебным положением, – заявила она, крепче сжимая прутья. – За это, между прочим, увольняют.

– Помечтай...

Держать её здесь до утра я тоже не собирался.

За то, что она устроила за рестораном, ей грозил максимум небольшой штраф, да и тот пришлось бы ещё обосновать. Никакого ареста на пятнадцать суток суд ей бы не назначил. Я просто хотел, чтобы хотя бы один раз Маргарита Косякова перестала улыбаться так, словно ей ничего не может причинить боль. Чтобы она почувствовала себя беспомощной, зависимой от чужого решения и лишённой возможности хлопнуть дверью.

Именно таким я был рядом с ней все школьные годы.

Она могла позвать, и я бежал. Могла засмеяться, и я го-

рел от унижения. Могла попросить проводить домой, а возле калитки сообщить, что ждала Никиту Курочкина, но тот не пришёл, поэтому сгодился Пронин.

Я понимал, что сейчас свожу старые счёты, прикрываясь формой и должностью. Понимал, что поступаю как мелочный обиженный придурок, который за десять лет накачал мышцы, получил капитанские погоны, но так и не сумел вытащить из себя восемнадцатилетнего очкарика.

Понимал и всё равно не мог остановиться.

Я всё ещё любил Риту.

Думал, что нет, а сегодня увидел её, и чуть с катушек не слетел. Она стала ещё красивее, сексуальнее и желаннее, чем десять лет назад.

– Позвони Никите, – предложила она. – Он за мной приедет.

У меня от одного имени соперника глаза кровью наливались.

– Да шас, разбежался!

– Боишься, что он меня заберёт?

Именно этого я и боялся, что приедет Курочкин и отберёт у меня мою игрушку.

Рита облизала губы кончиком языка, продолжая смотреть на меня. Она ничего особенного не делала, но тело отреагировало так, словно между нами не было решётки, формы, старых обид и здравого смысла. Я смотрел на её губы и хотел, чтобы они прямо сейчас оказались на моём члене.

Я отвернулся.

На выпускном она смотрела на меня иначе. Пьяно, отчаянно, почти не видя, кто находится рядом. Мы сидели на заднем крыльце школы, пока остальные уехали встречать расцвет на озеро. Рита плакала из-за Курочкина, который целовался в актовом зале с Инной Матюшиной, а я в сотый раз объяснял, что Никита её не заслуживает.

Тогда она спросила, заслуживаю ли я.

Я решил, что это признание. Что она, наконец, разглядела во мне мужчину. Пока добирались до гостиницы, я успел придумать, как буду ухаживать за ней, где мы станем жить после института и сколько детей у нас родится.

Я был восемнадцатилетним девственником, которому любимая девушка расстегнула рубашку. Разум в тот вечер даже не пытался участвовать в событиях.

Блять, это была самая прекрасная ночь в моей жизни. После Риты у меня было много женщин, но ни с одной не было так потрясно, как с ней.

Естественно, утром я предложил ей стать моей женой.

Рита сказала, что была пьяна, что ничего ко мне не чувствует и хочет всё забыть. Её звонкий, презрительный смех до сих пор звенит у меня в ушах.

После этого я больше ни одной женщине ничего серьёзного не предлагал.

Женщины в моей жизни появлялись, оставались на несколько недель или месяцев, а затем уходили, потому что

я не говорил о будущем.

А теперь эта сука сидела в клетке, и я не мог упустить такой жирной возможности, чтобы поквитаться с ней. Я хотел выебать Ритку во все щели. Жёстко, грубо, так как будет угодно моей больной фантазии.

Я был уверен, что если сделаю это, её магия рассеется, и больше не будет властна надо мной.

Пора закрыть этот гештальт. Раз и навсегда.

– Чего ты так смотришь? – спросила Рита, и в её голосе послышалась настороженность.

– Думаю, как тебя квалифицировать.

– Что именно квалифицировать?

– Твоё поведение. Ты была пьяна, справляла нужду в общественном месте, отказалась подчиниться сотруднику полиции, оказала сопротивление при задержании.

– Хорошо, Дмитрий Степанович. Давайте говорить серьёзно. Сколько штраф?

– Хочешь отделаться деньгами?

– А чем ещё платят штрафы?

– Штраф в твоём случае – не самое страшное. Тебе в любом случае придётся отсидеть пятнадцать суток. Может, хочешь позвонить маме, чтобы привезла тебе вещи? Или будешь отбывать наказание в этом милом платье?

– Не впутывай сюда мою маму!

– Утром у меня пересменка, – сообщил я, отодвигая стул и садясь напротив решётки. – В семь тридцать заступает Си-

ницын. Помнишь его?

– Петьку Синицына?

– Теперь Пётр Васильевич. У него жена работает в администрации, а её сестра – в магазине с твоей матерью. К обе-
ду весь посёлок узнает, где и за что провела ночь Маргарита
Косякова.

Она выпрямилась. Её лицо побледнело, и я увидел, как в
глазах вспыхнул страх. Рита поняла, что ситуация перестаёт
быть смешной.

– Ты этого не сделаешь.

– Почему?

– Потому что сам станешь посмешищем. Поймал за углом
ресторана бывшую одноклассницу пока она ссала – достиже-
ние года.

– Наоборот. Мне грамоту дадут за бдительность.

– Какой же ты злопамятный гандон!

– Хочешь, накину срок за оскорбление сотрудника поли-
ции при исполнении?

– Козёл! Мудак и сволочь! – разошлась моя бывшая не на
шутку.

Она металась по клетке, как загнанная в угол тигрица. А я
бессовестно рассматривал её титьки, подпрыгивающие при
ходьбе и уже думал о том, как сорву с неё это ёбаное платье.

– Ладно, – выдохнула Рита, остановившись напротив ме-
ня. – Чего ты хочешь?

– А что ты готова предложить? Что у тебя есть интерес-

ного?

– Деньги?

– Денег у меня достаточно.

– Тогда чего тебе не хватает?

Тебя, – мысленно ответил я. Тебя мне не хватало все эти годы, хотя я ненавидел себя за это. Не хватало твоего смеха, твоих глупых капризов, привычки морщить нос, когда злишься. Не хватало даже ощущения, что рядом с тобой я снова становлюсь тем худым парнем, которому нечем тебя удержать.

Но вслух я произнёс другое:

– Любви и ласки.

– Так я и знала. Ты просто решил меня трахнуть, гадкий мент?

– Если тебе не нравится такая перспектива, можешь подождать утра. Спокойной ночи, Маргарита Семёновна.

Я поднялся со стула и демонстративно принялся собираться.

– Стой! – услышал я через минуту, и это было самым прекрасным, что я сегодня слышал.

Я повернулся к Рите, напустив на себя безразличие, но внутри всё уже ликовало от предвкушения. Она подошла к решётке. Теперь в её глазах не было страха, зато появилась злость, под которой я слишком хорошо различал отчаяние.

– Хочешь повторить выпускной?

Я не ответил. Горло пересохло, и я чувствовал, как пульс

бьётся где-то в яйцах, которые вот-вот зазвонят, выдавая меня с потрохами.

Фраза ударила сильнее, чем должна была. Я представил, как везу её домой, как она входит в мою спальню, расстёгивает красное платье и смотрит на меня уже не пьяным отсутствующим взглядом восемнадцатилетней девчонки, а ясными зелёными глазами взрослой женщины. Я представил, как касаюсь её кожи, как она выдыхает моё имя, как её тело отзывается на мои прикосновения. Желание оказалось таким сильным, что я сжал ключ до боли в ладони.

Да, я этого хотел.

– А ты чего хочешь? Провести одну ночь в постели с тем, с кем уже и так трахалась, или пятнадцать суток в спецприёмнике со шлюхами и бомжами?

Рита ещё могла отказаться. Могла остаться в клетке, дожидаться утра и обнаружить, что никакого протокола не существовало.

– Открывай! – рыкнула Косякова, и я понял, что мы договорились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.